

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С81

Редактор серии *К. Буянова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Столбова, Татьяна Анатольевна.
С81 Маятник птиц : роман / Татьяна Столбова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-204885-2

После смерти отца Анна вместе с братом создала «Феникс» — организацию, помогающую людям. Их клиенты — женщины, страдающие от мужей-абьюзеров, одинокие старики, неизлечимо больные и люди, потерявшие близких. Те, кто нуждается в помощи. Люди в беде.

Однажды брат Анны бесследно исчезает, и она в одночасье превращается в клиента собственного агентства. Поиск брата заводит в неожиданную сторону, заставляя погружаться в себя и мрачные тайны семейного прошлого, которое оказывается не совсем таким, как Анна привыкла считать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204885-2

© Т. Столбова, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

-1-

Третьего сентября, в четверг, я снова стояла на том месте, где семь месяцев назад пропал мой брат.

Все здесь было мне знакомо до деталей. Загородное шоссе. Проплешина у обочины, недалеко от отметки «63-й километр». По обеим сторонам дороги — смешанный лес. И молодая сосна, ствол которой с одной стороны ободран — бампером «Мерседеса», за рулем которого был брат.

С тех пор я приезжала сюда два-три раза в месяц, снова и снова осматривая местность в поисках того, что могло бы дать мне подсказку — где его искать? Что с ним случилось? За это время я нашла две сломанные зажигалки, грязный носовой платок, винтовочный патрон, сапог, вязаную перчатку, дешевую заколку для волос и авторучку. Все это не имело никакого отношения к исчезновению моего брата. Он словно растворился в воздухе, — тогда, в начале февраля, холодном, сыром; от него здесь не осталось абсолютно ничего, притом что я точно знала: именно на этом месте он последний раз посмотрел на меня.

Было тихо, лишь вдалеке слышался гул приближающейся машины.

Эта дорога с ровным, словно шлифованным покрытием использовалась нечасто, — она вела из нашего крупного города вглубь страны, к небольшим населенным пунктам. Автомобили неслись по ней на максимальной скорости, при этом, поскольку обгонять обычно было просто некого, аварии случались довольно редко. Последняя произошла семь месяцев назад, когда мы с братом возвращались домой из Невинска — города с населением около восьмидесяти тысяч человек.

Был пасмурный февральский день. Брат вел свой темно-вишневый «Мерседес-Бенц», старый, но надежный, доставшийся ему от нашего отца. Я сидела рядом. Шел мелкий тихий снег. Пустая дорога простиралась перед нами, посверкивая влажным гладким асфальтом. Полуголый лес по обеим сторонам мрачно замер в холодном безветрии. Темнело.

— Сбавь скорость, — сказала я, не отрывая взгляда от дороги.

— Я не превышаю, — мотнув головой, произнес он. — Так что будем делать?

Я помолчала. Наш спор с перерывами продолжался уже больше часа, что было непривычно для нас обоих. Чаще всего мы приходили к согласию после короткого обсуждения, а то и вовсе обходились без обсуждений. Мы всегда мыслили и действовали в унисон. Но на этот раз мы смотрели на проблему совершенно по-разному. Я не собиралась сдаваться и понимала: он тоже не желает уступить.

— Я не хочу войны, — наконец сказала я.

— Это не война. Это четкое следование той линии жизни, которую мы выбрали с самого начала. Вспомни...

В этот момент я увидела джип, с огромной скоростью мчащийся прямо на нас.

— Тюльпан! — закричала я.

Брат вывернул руль, пытаясь уйти от столкновения. «Мерседес» слетел с шоссе, проехался по обочине, чиркнув по стволу сосны, затем снова выехал к дороге и резко встал. В последнее мгновение перед тем, как потерять сознание от удара головой о раму бокового стекла, я заметила пронесшийся мимо джип.

Когда я пришла в себя, брата в машине не было. Его нигде не было. Я ждала и искала его до полных сумерек, пока не приехал Байер. Мы осмотрели все вокруг еще раз, уже вдвоем, в радиусе ста метров. Никаких следов.

Без сил, без сна я лежала в ту ночь в своей постели. Холодный ветер дул в приоткрытое окно. Я перебирала в уме варианты того, что могло случиться. Я продолжаю это делать до сих пор. Время тянется как жевательная резинка, давно потерявшая вкус.

Кто мы? Как мы появились здесь, на планете Земля? Зачем? Жизнь коротка, и лишь немногие успеют найти свои ответы на эти вопросы, а большинство даже не успеет их задать. Мы с братом пытались прорваться сквозь вязкую толщу непознанного, непонятного. Но в итоге наткнулись на неожиданное препятствие, поставленное перед нами обычными обстоятельствами жизни, без философии и размышлений. И сейчас я плыла по течению, по самой поверхности, не углубляясь, желая лишь одного...

Живых всегда меньше, чем мертвых. Я хотела понять, где находится мой брат — среди меньшинства или уже среди неизмеримого множества. И искала его — и там, и там.

Итак, я снова стояла здесь. Светило ясное сентябрьское солнце. Как обычно, шоссе было пусто, — за полчаса лишь несколько машин промчалось мимо меня в обе стороны. И, как обычно, осмотрев окрестность, я не обнаружила ничего, что могло бы пролить свет на загадку

исчезновения брата. Сев в машину, я включила радио — «небольшая облачность, без осадков, температура воздуха плюс восемнадцать...» — и поехала в город.

* * *

Прежде чем явиться в «Феникс», где мне предстояло подписать несколько важных документов, я проехала по улицам, расклеила очередную партию листовок на остановках, столбах и стенах домов.

«ПОМОГИТЕ НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА!

5 февраля 2020 года на 63-м километре Невинского шоссе пропал Аким Д. 37 лет. Рост 188 см. Волосы густые, прямые, светлые, глаза голубые, стройный. Был одет в короткое черное пальто, бежевые вельветовые брюки, белую водолазку, коричневые ботинки-дерби. Просьба ко всем, кто видел Акима или что-то знает о нем, позвонить его сестре Анне Д. по телефону +7...»

Я настаивала, чтобы в объявлении была указана сумма, которую я бы заплатила за любую информацию, даже за крупинку информации (а я была готова отдать все). Байер убедил меня не делать этого.

— Анна, если вы не хотите, чтобы вам звонили круглые сутки всякие сомнительные личности, вы вообще не должны упоминать о вознаграждении.

— Все равно будут звонить, — устало сказала я, махнув рукой.

— Да, но не столько.

— Будем надеяться на добрую волю, а не на корысть?

— Так точно.

Я усмехнулась. Байер — жесткий как подошва, крепкий как булыжник — призывал меня надеяться на добрую волю. Тот, кто всегда пытался уговорить меня и брата сделать шаг в сторону от «бескрайнего альтруизма» и попытаться посмотреть на окружающий

мир без розовых очков. Тот, кто утверждал, что идеального мира не было, нет и не будет. Тот, кого выгнали из полиции за то, что сломал руку задержанному. Рослый, широкий, плотный, весь словно состоящий из литой стальной глыбы, немногословный, с широким сероватым лицом, покрытым оспенными вмятинами, с глубоко посаженными небольшими темными глазами, он наводил страх на людей одним своим видом.

— Ладно, Эдгар Максимович, — произнесла я. — Будь по-вашему. Печатайте так.

Он коротко наклонил голову — как всегда, у него получилось нечто среднее между учтивым поклоном и небрежным кивком — и взял свой смартфон.

С того дня я каждый месяц заезжала в офис «Феникса-1», забирала пачку листовок и расклеивала их по всему городу.

И вот сейчас я увидела, как невысокая женщина в цветастом платье, обтягивающем ее упругие округлые формы, сорвала такую листовку со стены остановки и читает ее, скептически поджав губы. Женщине летом исполнилось сорок лет. Ее волосы, крашенные хной, сверкали под солнцем. И золотой перстень на пухлом указательном пальце левой руки ловил и отражал солнечный луч. Это была Лена Кучерова. Моя двоюродная сестра.

Я остановила машину и кратким сигналом клаксона привлекла ее внимание. Она встрепенулась, помахала мне и проворно забралась в машину.

— Аннуся! Подбросишь до «Феникса»?

Я кивнула.

— А я в налоговую ездила. Круговорот документов в природе! Нескончаемое однообразие.

Лена работала в «Фениксе» главным бухгалтером. Там же, но в должности водителя, трудился ее муж Егор.

— Ты зачем объявление сорвала?

— Смотри, Аннуса... — Она потрясла объявлением. — Тут нет фотографии Акима. Это неправильно. Конечно, вы люди известные, но... Мало кто знает вас в лицо! Так только, фотки в интернете, все издалека или нечеткие, потому что их делали исподтишка, да случайные видео в новостях. А я ведь говорила!.. Известность надо использовать, иначе зачем она вообще нужна? Вот как теперь искать его?

— А если Аким сейчас выглядит иначе? С бородой и усами, например. Борода меняет внешность.

— Ладно, ладно... Но про вознаграждение надо было написать! Народ же у нас алчный, бесплатно пальцем для другого не шевельнет! Хотя... Кому я это говорю... Слушай, а могло быть так, что ты что-то забыла? А? Ты же тогда головой сильно стукнулась... А к врачу не пошла. Вдруг у тебя был провал в памяти?

Я молча покачала головой.

— Ну, значит, его кто-то похитил прямо из машины, когда он тоже был без сознания.

— Так зачем ты сорвала объявление?

— А вообще, я уже сообщала следователю о своих предположениях...

— Лена, ты мне не ответила.

Она захлопала густо накрашенными ресницами, с виноватым видом глядя на меня.

— Ну сорвала... Ну прости... Эти объявления на каждом шагу. Тебе жалко, что ли? — Виноватого вида хватило ненадолго. Лена поерзала на сиденье, деловито устраиваясь поудобнее. — Давай уже поедем, а? У меня куча работы!

Я вздохнула. Лена была неисправима. С детства от нее было невозможно добиться прямого ответа, а ее поступки выходили за рамки логики, даже самой простой. Как внешне, так и по характеру она была совершенно не похожа на свою младшую сестру Настю. Та была молчаливая, худая и довольно высокая, чуть

выше меня. Одевалась Настя в основном в скромную одежду темных тонов. Она тоже работала в «Фениксе» — занимала небольшую должность в отделе учета.

Под неумолкающую болтовню кухни я проехала несколько кварталов, свернула в тихий проулок в центре города и остановилась возле серого каменного здания постройки начала пятидесятых. Все три его этажа занимал «Феникс». Как он, так и само здание принадлежали мне и моему брату.

* * *

Подписав бумаги, я зашла к дяде Арику — Аристарху Ивановичу Трофимову, директору «Феникса», отцу моих кузин Лены и Насти. Но его секретарь сказала, что он уехал на объект за полчаса до моего появления.

Теперь мне предстояло еще одно важное дело. Вчера я узнала, что следователь, который вел дело об исчезновении моего брата, вышел на пенсию. Все материалы передали другому следователю. Вот к нему я и собиралась сейчас отправиться.

Я вышла из «Феникса», доставая связку ключей. Нажала на кнопку брелока, и моя «Ауди» отозвалась приветственным пиканьем. Я открыла дверцу и только собралась сесть, как тонкий срывающийся голосок позвал меня.

— Анна Николаевна!

Из дверей «Феникса» выбежала маленькая хрупкая девушка лет двадцати в светло-голубом сарафане. Я узнала ее — она работала в бухгалтерии, — но имени не помнила. Она приблизилась к машине и остановилась в нерешительности.

— Я Зоя. Зоя Новикова... — проговорила она.

Зоя была сильно взволнована. У нее даже слегка подрагивали губы.

— Здравствуй, Зоя, — сказала я, улыбнувшись. — Все нормально?

— Ой... Да... Здравствуйте... Анна Николаевна, мне надо с вами поговорить.

Я внимательно посмотрела на нее. Поговорить? Здесь? Впрочем, я давно привыкла к тому, что ко мне и к брату постоянно обращались какие-то люди. Одним была нужна помощь «Феникса», другим — конкретно моя или конкретно моего брата.

— Садись в машину, — предложила я.

Зоя неловко, стукнувшись коленкой о дверцу, а потом локтем о бардачок, залезла в салон.

Я видела, что ей непросто начать разговор, и молча ждала.

— Извините, что я... Я задерживаю вас. Я только хотела сказать... Анна Николаевна... — Зоя посмотрела на меня прямо и выпалила: — В «Фениксе» пропадают деньги!

Я ожидала чего угодно, но только не этого.

— Что?

— Деньги... Пропадают. И возвращаются. Но тут я точно не могу сказать, просто не понимаю. Все как-то странно...

— С чего ты взяла?

— Я давно заметила. Еще зимой, когда только устроилась на работу. Но сначала хотела убедиться.

— И теперь ты уверена в этом?

Зоя быстро закивала.

— Я уверена. И там, кажется, большие суммы. Уже три раза было... Мама говорит: «Не твое дело, не вмешивайся», но я так не могу.

— У тебя есть какие-то доказательства?

— Есть несколько документов. Я сделала копии. — Она покраснела. — Тайком...

— Принесешь их в мой кабинет — там всегда открыто. Положишь в средний ящик стола. Завтра я их посмотрю. И не говори никому об этом.

Посмотреть бумаги я, конечно, могла, но толку от этого не ожидала. Я плохо разбираюсь в бухгалтерии. Поэтому после того, как Зоя вышла из машины и скрылась в здании «Феникса», я позвонила Байеру и назначила с ним встречу на завтра.

* * *

Неяркий солнечный свет проникал сквозь давно немытое оконное стекло, освещая часть небольшого кабинета с его скудной стандартной обстановкой. В воздухе парили пылинки, медленно оседая на поверхности.

Следователь Роман Петрович Тамраев оказался привлекательным крепким мужчиной лет сорока, темно-волосым и синеглазым. Он с любопытством смотрел на меня, пока я со всеми подробностями излагала события того давнего февральского дня.

— Значит, — произнес он, когда я закончила свой рассказ, — вы увидели джип и крикнули брату... Что вы крикнули?

— «Опасность».

— Да. Вы крикнули брату: «Опасность!». После чего он резко свернул с дороги, машина ударилась о дерево, а потом вновь выехала на шоссе.

— Не совсем на шоссе. На край. Левые колеса стояли точно на краю дороги.

— Хм-м... Понятно. Номер джипа вы, конечно, не заметили?

— Нет.

— А когда вы осматривали местность, там были какие-то следы? Зима, снег... Если ваш брат ушел в лес, он должен был оставить следы.

— Нет, никаких следов. Но ведь был снегопад. Небольшой, и все же.

— Тоже верно. Снег мог припорошить следы... Что ж, Анна...

— Николаевна, но отчество необязательно.

— Хорошо. Анна. Я пока не успел ознакомиться с материалами дела, но могу обещать, что займусь этим в ближайшие дни.

— Спасибо, Роман Петрович. Вот... — Я достала из сумки лист бумаги. — Список примет моего брата.

Тамраев взял листок, пробежал текст глазами.

— Хм-м... Слишком подробный... Это лишнее: «широкие плечи». Кто его по плечам будет опознавать? Достаточно роста, цвета глаз и волос. А особые приметы у него есть?

— Большая родинка в форме несимметричного сердца, на шее слева, почти у ключицы. Она в середине списка.

— Да, вижу... Татуировки?

— Никаких.

— Ясно... А это что?

— Фотографии того места, где произошла авария. Поначалу я делала их каждый раз, когда приезжала туда.

— Зачем?

Я пожалала плечами:

— Надеялась разглядеть то, что не увидела в реальности. Какой-нибудь след... Может, зацепку... Но ничего не нашла.

Тамраев задумчиво покивал и убрал пачку фотографий в папку.

— Анна, ну а какие у вас предположения? Что могло случиться?

— У меня множество вариантов, но ни один из них не в приоритете. Я не знаю, что произошло.

— Могло так быть, что вы были без сознания дольше, чем думаете?

— Могло. Я вычислила примерно время аварии — зная, когда мы выехали из Невинска. Но когда я очнулась, то не посмотрела на часы. Поэтому я только предполагаю, что была без сознания минут двадцать.

А сколько на самом деле — неизвестно. Но в любом случае не больше часа.

— Ясно. Ладно, будем работать. А пока...

Он неожиданно смутился.

— Анна... Одна моя знакомая недавно спрашивала про вас. Понимаете, у нее в жизни такая история приключилась... Довольно тяжелая. Не могли бы вы...

— Конечно, — ответила я. — Пусть приходит.

* * *

Этих людей мой брат прозвал «визиторами». С удивлением на первый слог, без всякого «правильного английского произношения», просто и с четким выговариванием каждой буквы. Брату было тогда лет семнадцать, и он шутил. Но постепенно это название прижилось — сначала в нашей семье, а потом и среди посвященных, которых с каждым годом становилось все больше.

Визиторы приходили только ко мне. Мы закрывались в моей комнате, я брала тетрадь, открывала ее на чистой странице, заносила на верхнюю строчку инициалы визитора, а затем записывала его/ее рассказ. Это не были биографии или истории жизни. Это были лишь эпизоды, которые произошли в жизни моего визитора, больно ранив его. Все знали — а если не знали, я предупреждала, — что я не психотерапевт, я не обсуждаю, что стряслось, не даю советов. Я только записываю. Некоторые приходили ко мне, чтобы просто поведать кому-то о своей беде, выговориться, сбросить груз, давящий на душу, мешающий жить; другие хотели, чтобы их беда не была забыта; третьи надеялись, что, будучи как бы «зарегистрированной», их скорбь будет замечена высшими силами, и тогда справедливость, возможно, восторжествует — если не здесь, то потом, в другом мире. Но я, собственно, никогда не выясняла причин,

заставивших людей прийти ко мне и поделиться своими несчастьями. Я знала только, зачем я это делаю.

В моих правилах был, естественно, важный пункт: конфиденциальность. Чаще всего я не знала (и не хотела знать) ни имен, ни фамилий. Только инициалы. Мне не приходилось кого-либо дешифровать. Я лишь записывала то, что мне рассказывали, редактируя по ходу записи.

Еще один пункт — категорический: я не фиксировала совершённых преступлений. Только беды, только скорбные ошибки, только глубокие обиды.

Также я не хотела брать на себя груз сотен «я», их личный груз, поэтому делала синхронный перевод первого лица в третье. Поначалу было сложно, но вскоре я привыкла и после очередной записи порой даже про саму себя думала отстраненно: «Она пойдет...», «Она прочитает...».

Первую сознательную запись (в том смысле, что я намеренно перенесла на бумагу чужую историю) я сделала в тринадцать лет. Я ехала с мамой и братом к морю, в поезде, в купейном вагоне.

Мама разговорилась с нашей попутчицей, занимавшей второе нижнее место. К обеду они, почти ровесницы, уже были на «ты» и беседовали как давние подруги. Вечером за чаем их разговор вдруг вышел на тему одиночества и предательства, и женщина рассказала свою историю, довольно мрачную (возможно, этим объяснялось то, что она ехала на юг не в отпуск, а переезжала туда насовсем), в конце упомянув, что все ее усилия были напрасны, все ее мысли, надежды и мечты развеялись, и оказалось, что они не имели никакого значения, и сама она, по всей видимости, не имеет никакого значения в этом мире, а после смерти будет забыта, как вся ее жизнь будет забыта, и ей совершенно непонятно, зачем она вообще жила, зачем появилась на свет. Помню, что эти слова заделали меня.

Я тоже думала о чем-то таком, но мои мысли тогда еще были блуждающими и призрачными, я делала выводы и тут же в них сомневалась, затем делала противоположные выводы и тут же в них сомневалась... Наша попутчица пережила действительно трудный и даже трагичный период, тянущийся с ранней юности и до сих пор, и ее заключение о смысле жизни было конкретным и решительным.

Я сказала: «А если все это записать?» Она с недоумением посмотрела на меня: «Зачем?» Я пожалала плечами — тогда я еще не сформулировала свою идею. Брат ответил за меня: «Чтобы зафиксировать вашу жизнь. Описать именно те события, которые происходили с вами, а не с кем-то другим. Это будет только про вас».

Женщина замерла на пару секунд, глядя попеременно то на брата, то на меня. А потом тихо проговорила: «Может, тогда все мое, все пережитое, быстрее дойдет...» Она подняла глаза к потолку. Я посмотрела туда же. Это был обычный потолок купе поезда. Но я, конечно, поняла, что она имеет в виду. «И, может, — продолжала она, — так я и оставляю что-то после себя? И все, что было со мной, не исчезнет бесследно?» Я качнула головой, — я не знала ответа на эти вопросы. «Но я ужасно пишу... — смущенно проговорила женщина. — В школе я получала за сочинения только тройки, и то лишь потому, что наша учительница жалела меня». Она вздохнула, посмотрела в окно, за которым проносились зеленые поля и маленькие рощи. «Значит, — подумала я, — пришла очередь кого-то еще пожалеть вас». Я порылась в сумке и достала блокнот с отрывными листами. Мы взяли его с собой для того, чтобы писать письма папе. Мама молча протянула мне ручку.

Официально, как потом говорил брат, наша попутчица не могла считаться моим первым визитером, так как не приходила ко мне и вообще не имела намерения

быть вписанной в историю человеческих судеб. Первым визитером он считал мою одноклассницу и лучшую подругу Олю Тишкину. Но и тут был нюанс: не Оля приходила ко мне, а я к ней.

В четырнадцать лет Оля умерла от лейкемии. Все скрывали от нее истинный диагноз. Родители говорили ей, что это осложнения после гриппа. Но на самом деле она все знала и, в свою очередь, скрывала это знание от всех. Кроме меня. Однажды, когда я пришла к ней в больницу, она тихо сказала: «Помнишь, что я рассказывала тебе в прошлом году?» Я сразу поняла, о чем она. Это случилось летом на даче. Была яркая, внезапно вспыхнувшая первая любовь, а потом обида и горькое разочарование. В эти несколько слов не вместить, конечно, всей глубины и всего спектра событий и чувств, которые довелось тогда испытать моей подруге. Вот об этой своей «дачной» любви и напомнила мне слабым голосом Оля, лежащая на больничной койке, — бледная, тонкая, полупрозрачная, полужемная. «Помню», — ответила я. «Все это уйдет вместе со мной. Все мои чувства... Разве это справедливо?»

Не знаю, что меня дернуло ответить: «Ничего не уйдет. Я запишу, хочешь?» Она молча смотрела на меня. В ее взгляде я прочитала вопрос: «Зачем?» Про попутчицу из поезда я к тому времени давно и прочно забыла, несмотря на то что блокнот с описанием ее жизни хранился в старом портфеле на антресолях. Однако тут вдруг вспомнила, ярко и подробно, в том числе вспомнила слова брата, сказанные тогда, и добавила: «Чтобы это осталось после тебя». (Следующей мыслью было, и ее я не произнесла вслух: «Чтобы зафиксировать твое несчастье; о нем никто не узнает, но будет действительно несправедливо, если то, что тебе пришлось пережить, исчезнет вместе с тобой». Именно эта мысль впоследствии стала основным мотивом всех моих подобных записей — во имя справедливости.) Оля